

Антонина Малышева

КУКЛА И ЖЁЛТЫЙ ЗАЯЦ

Сейчас я сам уже давно дедушка, а когда случилась вся эта история с бабушкой, куклой и жёлтым зайцем, я был маленьким мальчиком.

Однажды в выходной мы возвращались с родителями на трамвае из парка, и я спросил:

– Пап, пап, а какая у тебя любимая игрушка была в детстве?

– Помню, я всё солдатиками увлекался, – сказал папа. Я повернулся к маме.

– Мам, мам! А у тебя?

Мама долго молчала.

– Помню, у меня было две игрушки, я все сажала их рядом. Одна кукла, кажется, с косичками... Её звали Зина. И заяц такой необычный, почему-то жёлтый. Я вот очень его любила.

Я увидел, что папа странно смотрит на маму – не отрываясь.

– Это в детдоме? – спросил он. Мама покачала головой:

– Нет, откуда в детдоме. Это до войны. Это я помню. Я их сажала в мамины туфли... Какая-то у меня игра была.

Папа откинулся на спинку сиденья и длинно выпустил воздух. Я сказал:

– А у Сёмки дедушка приехал на месяц.

– Угу, – ответила мама.

– А я Сёмке сказал, что папины родители в Ташкенте, а твоих на войне убили, – сказал я.

– Может быть, – мама смотрела на огоньки за окном. – Я точно не помню.

Этого я не ожидал. Я-то считал, что у всех детдомовских родители погибли на войне. Папа сказал:

– А я думал, ты совсем ничего не помнишь.

– Это и есть ничего, – мама грустно улыбнулась. – Какие-то куклы. Какой-то поезд. Вокзал, где я потерялась. Вот и всё.

– Слушай, давай напишем на радио, – встрепенулся папа, – может быть, остался кто-то из твоих родных!

– Не хочу я никого искать! – мама вскочила и пошла к выходу, мы с папой – за ней. – Только зря переживать. И радио у нас не работает. И не чини, всё равно слушать не буду.

Но папа починил репродуктор, и с тех пор мы всегда слушали передачу: «Разыскивает брата и сестру Петров Николай...» Их, разыскивающих, было так много!

Я очень просил маму написать на радио письмо про куклу и зайца, но она только сердилась. А сама шла к радио каждый раз, заслышав эти объявления. Я мечтал, что найдется бабушка и будет жить с нами. Почему-то я представлял себе её точно такой, как баба Нина из Ташкента, только с причёской, как у мамы.

И вот как-то раз я пришел домой, а мама стоит растерянная посреди комнаты, и в руках у неё – телеграмма. И спрашивает меня:

– Толик, хочешь в Ленинград поехать?

– А что такое? – удивился я.

– Да вот одна женщина пишет... Ну, словом... Хочет проверить, не я ли её дочь.

Я от радости просто заорал! Оказывается, она все-таки отправила письмо в передачу. А мне ничего не сказала, и я даже не услышал, как его прочитали по радио! Но мамина мама-то услышала, и вот – зовет её в Ленинград немедленно телеграммой.

Папа нас снарядил ехать в ближайшие выходные. Я тайком взял с собой свою губную гармошку, чтобы бабушке показать, как я играю. Ей должно было понравиться.

Но мне бабушка не понравилась с самого начала. Она встретила нас в квартире, в длинном тёмном коридоре. Она была грузная и опиралась на палку. Она ковыляла впереди, а мы шли следом, и, зайдя в комнату, она взяла меня пальцами за подбородок, повернула к свету и сказала:

– Так-с.

И я почему-то сразу понял, что это не моя бабушка.

...Оказывается, не так-то просто найти себя, если помнишь только зайца с куклой да какие-то туфли. Я представлял, что будут плакать и целоваться, но все вышло не так. До поздней ночи мама и не наша ленинградская бабушка сидели за столом с плюшевой скатертью. Бабушка нацепила толстые очки. Она показывала маме фотографии и выжидающе смотрела на неё, а мама качала головой.

– Тётя Фира. Помнишь? – спрашивала бабушка. – Платье у тебя синее было. Помнишь?

– А не было ли у вас случайно, – робко спрашивала мама, – туфель с такими круглыми пряжками?

Но у неё не было туфель. У неё была дочка, которая пропала в войну, и оказалось, что это не мама.

У ленинградской бабушки противно пахло в комнате, и она подарила нам банку варенья, от которой всё время шёл этот кислый и толстый небабушкин запах. Она была хорошая, наверное, и пожелала маме найтись. А я даже не вспомнил в Ленинграде про свою губную гармошку. Мы вернулись домой и совсем не обсуждали это.

Но письма всё шли и шли. Мама читала их ходила по дому хмурая. Потом аккуратно отвечала что-то. В некоторые письма я заглянул без спроса. Там было всё одно и то же: «к сожалению, у нас кукол вовсе не было, но не помните ли вы случайно брата Егора?» «Всё думаю про ваше письмо, мы потеряли на вокзале девочку, которую, правда, звали Надя, а не Леночка, но фамилия тоже Бездумова...» Только это была ерунда, потому что фамилию маме придумали в детском доме. Но со всей страны ей писали небабушки и недедушки, неяди, нетёти. Весь двор знал нашу историю, и ребята бежали навстречу незнакомым старушкам: «Вы не в одиннадцатую квартиру? Показать?»

Но пришла осень, письма становились всё реже. Ребятам надоело ждать мамину маму, а мы уже не слушали передачу с таким вниманием. Как-то раз я вынул из почтового ящика и принёс маме всего одно письмо. Она прочитала и нахмурилась: опять не то.

– Не стоило и начинать? – спросил я. Однажды папа так говорил.

Мама улыбнулась:

– Почему же не стоило? Вон сколько хороших людей нам написало. Да?

Я кивнул, но мне расхотелось об этом говорить. Я вышел на лестницу и долго, долго играл там на губной гармошке.

– Здорово играешь! – сказали снизу. Я выглянул через перила и увидел женщину в зелёном берете и рыжем клетчатом пальто, с саквояжем. Она так улыбалась, я даже не сразу понял, что она не очень-то молодая женщина. Бабушка.

– Вам в одиннадцатую квартиру? – спросил я, и был уже уверен, что она ответит «да». – Пойдёмте, только, знаете, нам много уже писали. Это, скорее всего, не вы. То есть не она.

– А вдруг все-таки я? – тихо спросила она и заглянула мне в лицо.

Мы зашли в квартиру, и пока я объяснял маме, что вот, ещё одна гражданка пришла по объявлению, наша гостья поставила на столик свой саквояж. И достала из него одного за другим – куклу Зину с косичками и жёлтого зайца.